

Алексей Александрович Сыровежкин
Сибирский федеральный университет, аспирант, Красноярск, Россия
e-mail: alexiosrv@yandex.ru

Неоэволюционистское прочтение взаимосвязи гения и культуры

Аннотация. В статье исследуется неоэволюционистское прочтение взаимосвязи гения и культуры. Рассматриваются причины идеализации гения и превращения его в символ «перводвигателя» культурного прогресса, человека, способного единолично изменить течение истории. Демонстрируется несостоятельность представлений о гении как о «перводвигателе» культурной эволюции. Обосновывается вывод о том, что гений есть «инструмент» культуры, с помощью которого она создает свои богатства, что действительным автором гениального творения представляется эпоха, а не отдельная личность, что расцвет культуры «выражает» себя в гениальных людях.

Ключевые слова: гений, культура, символ, эволюция культуры, неоэволюционизм.

Alexey A. Syrovezhkin
Siberian Federal University, Postgraduate Student, Krasnoyarsk, Russia
e-mail: alexiosrv@yandex.ru

A Neo-Evolutionary Interpretation of the Relationship Between Genius and Culture

Abstract. The article explores the neo-evolutionist interpretation of the relationship between genius and culture. The reasons for the idealization of genius and its transformation into a symbol of the “prime mover” of cultural progress, a person who can single-handedly change the course of history, are considered. The author demonstrates the inconsistency of the idea of genius as a “prime mover” of cultural evolution. The conclusion is substantiated that genius is a “tool” of culture, with the help of which it creates its wealth that the epoch, and not an individual person, appears to be the real author of a genius creation, that the flourishing of culture “expresses” itself in brilliant people.

Keywords: genius, culture, symbol, cultural evolution, neo-evolutionism.

Введение (Introduction)

Неоэволюционистские концепции развития общества востребованы в современной западной философии, антропологии, этнографии и культурологии. Данное направление являет собой яркий пример междисциплинарного знания и стремления объединить не только философию, биологию и историю, но и множество конкретных наук, таких как археология, этнология и историография. В связи с этим представляется целесообразным выяснить степень адекватности основных положений неоэволюционистов, затрагивающих проблематику природы гениальности.

Цели:

- 1) исследовать неоэволюционистское прочтение взаимосвязи гения и культуры;
- 2) продемонстрировать, что единственным объективным критерием гениальности служит степень влияния на культуру социума через определенные достижения;
- 3) доказать, что гений выступает не «перводвигателем», а всего лишь «инструментом» культурной эволюции.

Гипотеза автора: гений — индивид, в сознании которого произошел синтез идей и образов эпохи, приведший к па-

радигмальному сдвигу в культуре. В связи с этим разгадка феномена гениальности находится больше в дискурсе культурологии, нежели в дискурсах психологии или генетики.

Методы (Methods)

В исследовании применялись следующие методы: исторический, диалектический, эволюционный, герменевтический, анализ и синтез. Были выявлены сильные и слабые стороны двух противоположных точек зрения на природу гения, что позволило сделать вывод о логической обоснованности и доказательном подкреплении подхода неоэволюционистов, подробно изложены основные аргументы о несостоятельности трактовки гения как «перводвигателя» культурной эволюции.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

В общественном сознании закрепилось представление о гениях как о творцах и проводниках социального и культурного прогресса. Сложилась устойчивая традиция изучения истории главным образом как летописи деяний и биографий великих людей — героев, вождей, фараонов,

королей, полководцев, изобретателей и художников. Однако, это упрощенная трактовка исторического процесса. Так же, как и чрезмерным упрощением, служат попытки обвинять авторов гениальных изобретений во всех грехах человечества и рассуждения о том, что Маркс в ответе за преступления Сталинского режима, что Гитлер единолично развязал Вторую мировую войну, а Оппенгеймер виновен в атомной бомбардировке Хиросимы.

Нетрудно заметить, что функционирующие в общественном сознании образы гениев имеют не слишком много общего с их реальными прототипами. Как на быденном, так и на теоретическом уровне реальные исторические персонажи идеализируются, мифологизируются. В связи с этим неизбежно возникают вопросы: какова подлинная природа феномена гениальности, чем он обусловлен и какую роль играет в культуре? В какой степени «великие люди» являются перводвигателями культурного прогресса, а в какой степени они всего лишь его продукты и инструменты? Насколько обоснованным может быть утверждение, что какой-то человек обладал или обладает настолько выдающимися качествами, чтобы единолично изменить течение истории, повлиять на эволюцию культуры? Не являются ли распространенные представления о гениях в большей мере следствием работы психических механизмов по идеализации исторических персонажей, нежели констатацией их действительных качеств?

Как известно, сотворение кумиров и поклонение им — непременная составляющая любой культуры. Общество во все времена испытывало огромный дефицит благополучия, поэтому оно постоянно нуждалось и продолжает нуждаться в героях — в тех, кто способен совершать сверхусилия и достигать недостижимых для других результатов, преодолевать считающиеся непреодолимыми трудности, решать никем не решенные задачи. В мифические времена герои похищали огонь с Олимпа, побеждали чудовищ, раздвигали море, насыщали толпы голодных, исцеляли неизлечимых больных, создавали культурные шедевры и т. д. В исторические времена образы мифических героев постепенно вытесняются в общественном сознании мифологизированными образами реальных людей, с которыми стали связывать те или иные судьбоносные события и достижения человечества. Сначала это были образы пророков и святых — глашатаев и инструментов божественного промысла, позже — образы заслуживающих обожания и поклонения обладателей исключительных талантов, способных единолично изменять ход истории, совершать величайшие открытия и создавать вечные ценности. Подчеркнем, что эти образы или предназначены служить вдохновляющими примерами для начинающей свой жизненный путь молодежи, или выступают символическими маркерами каких-нибудь значимых исторических событий, эпох.

Мы, конечно же, не хотим сказать, что «великие люди» ничем не заслужили свой статус и что их достижения — просто иллюзия. Дабы искоренить видимость неразрешимого противоречия между этими двумя точками зрения и выработать более глубокое понимание данной проблемы, необходим диалектический взгляд — гений, безусловно, обладает выдающимися способностями, но самих по

себе способностей не бывает достаточно для того, чтобы совершить нечто значимое для истории. Каждое его творение одновременно его заслуга и заслуга всего человечества. Каждый гений создает нечто новое, но то, что мы называем «новым», всего лишь синтез бесконечного множества старых идей и достижений культуры, который становится возможным лишь на определенном этапе социокультурной эволюции. Очевидно, феномен гениальности должен быть рассмотрен не только в контексте способностей и качеств признаваемого гением индивида, но и в контексте обусловленности его творения историческими реалиями (достижениями предшественников и запросами социума).

Прежде чем перейти к концептуализации данного явления, стоит подчеркнуть, что великие личности прошлого, даже самые рационально мыслящие, имели склонность мистически относиться к своему творчеству. Они ощущали себя избранниками и проводниками непостижимых, сверхъестественных сил, считали свой дар чем-то священным. С этим мнением были согласны почитатели их талантов, считавшие, что в их творчестве воплощено всё самое ценное, все достижения науки и искусства, мысли и практики эпохи. Гениев сравнивали с небожителями, а совершенство их деяний с совершенством природы. Считалось, что гений носит в себе целое общество, а в его творениях чудесным образом сочетаются универсальность и неповторимая оригинальность, «божественное видение» и независимость мышления.

Один из наиболее ярких выразителей данной точки зрения — британский философ и писатель XIX в. Томас Карлейль, под стать культурным традициям своего времени утверждавший романтический «культ героев» — исключительных личностей вроде Наполеона, которые своими делами исполняют божественное предначертание и двигают человечество вперед, возвышаясь над серой массой. Данную точку зрения можно кратко резюмировать словами американского философа и психолога, одного из основателей и ведущих представителей прагматизма, Уильяма Джеймса: «Если что и является по-человечески несомненным, так это то, что общество великого человека, который так именуется по праву, формирует его не прежде, чем он сможет его переустроить» [1, с. 453]. Джеймс считал, что гениев надо воспринимать как продукты «спонтанных мутаций» в социальном организме, что изменения в обществе происходят в основном под влиянием активности отдельных выдающихся личностей, служащих примером для личностей заурядных.

Согласно данной концепции, судьба целой нации может сосредоточиться в руках всего одного человека. С этим концептом согласуется один из главных мифов американской культуры, который зиждется на вере в силу демократических выборов, в то, что, выбирая раз в четыре года президента из краткого списка сомнительных кандидатов, можно положительно повлиять на судьбу страны или даже всего мира, что этот единственный выбор, которому принято посвящать столько ничемного шума и театральной показухи, делает легитимным термин «власть народа». Между тем все последующие решения принимаются без участия того самого народа и становятся не столько следствием «судьбо-

носных прозрений» народных избранников, сколько результатом объективных экономических процессов. С эволюционной точки зрения это закономерно и «правильно», ведь народные массы во все времена и должны были верить в сверхспособность «богоизбранной» личности — данная иллюзия всего лишь один из объективно сложившихся механизмов солидаризации крупного сложноорганизованного социума.

К человеку, которому присвоен статус гения, общество применяет особые мерки: люди начинают считать всё созданное им, даже самое банальное и незначительное, заведомо выдающимся. Даже в его явных ошибках и злодействах они усматривают недоступное простым смертным величие. Без каких-либо сомнений и вопросов в общественном сознании воспроизводятся штампы вроде того, что Пушкин — чуть ли не единоличный создатель современного русского литературного языка, словно развитие языка — это не объективное явление, не зависящее от воли конкретного человека, словно без Пушкина он мог бы и не появиться. С эволюционной же точки зрения гораздо более корректной будет формулировка, что в «трудах этого автора развитие определенной культурной модели достигает своей кульминации», и это может произойти только один раз. Пушкин в массовом сознании воплотил представление о гении эпохи, стал символом. Власть символов настолько велика, что способна не только мифологизировать, но и творить действительность.

У талантливых людей, приходящих после того, как культурная модель достигла своей кульминации, значительно меньше шансов завоевать признание — разве что в качестве разрушителей старого и, возможно, строителей нового. К примеру, когда физическая теория Нового времени достигла своей кульминации в трудах Ньютона, она полностью удовлетворяла физиков и астрономов более двух веков. Любой потенциально гениальный физик, родившийся сразу после Ньютона, был обречен оставаться в его тени в силу объективных эволюционных причин, а не в силу того, что он был менее талантлив или работал недостаточно, для того чтобы превзойти Ньютона. Очевидно, что данная закономерность прослеживается и в искусстве, и в науке, и в общественной деятельности, везде, где существует творчество.

Почему гении кучно сосредоточены в определенные эпохи и в определенных странах, вместо того чтобы равномерно распределяться по эпохам и странам? Джеймс утверждает, что это происходит «случайно», что это чудесное совпадение. Однако, на наш взгляд, надо обратить внимание на очевидный факт, что гении появляются именно в центрах мировой культуры, в наиболее развитых регионах с наиболее процветающей экономикой и наибольшим запасом ресурсов. Разве можно считать чудесным стечением обстоятельств то, что эпоха Возрождения начинается именно в Италии? Что именно там появляется целая плеяда гениальных мастеров, таких как Боттичелли, Микеланджело, Рафаэль и Леонардо, что именно там искусство выходит на новый уровень, что гениальный Данте уже в XIII в. становится основоположником итальянского литературного языка и осуществляет синтез всей позднесредневековой культуры,

играя для Италии, по сути, ту же самую роль, что сыграет в свое время для Германии Гёте, для Франции — Вольтер, для Англии — Шекспир и Байрон, а для России — Пушкин? Их мастерство не есть нечто мистическое, божественное и неповторимое, оно стало возможным лишь при определенном уровне развития материальной и духовной культуры. И неповторимы они не потому, что их наследники менее гениальны, а потому, что «повторять» то же самое уже не имеет никакого смысла. Каждый из них должен был появиться только раз и в свое время. «Солнце русской поэзии» не могло взойти в XIII в., потому что в культуре России еще не сформировался запрос на него. В XIII в. такой запрос уже сформировался в Италии, прямой наследнице римской и греческой культуры.

Вопреки распространенному убеждению обывателей, что гении имеют какие-то отличительные признаки, отсутствующие у «обычных» людей, таких признаков до сих пор не обнаружено, как не обнаружено и универсальных рецептов, позволяющих вырастить из ребенка гения. Признаваемые гениями индивиды не похожи друг на друга, они различны по уровню врожденной одаренности, по целям и интересам, по характеру и особенностям трудовой деятельности. Между ними и обычными людьми нет никакой непреодолимой пропасти, если, конечно, мы не касаемся феномена так называемых «гениальных идиотов». Так что же делает гения гением? Какова природа его влияния на культуру и на ход истории?

Цезаря, Чингисхана, Петра I, Наполеона, Ленина, Гитлера, Иисуса, Магомета и многих других часто считают субъектами, «изменившими ход истории». Однако в их ли выдающихся талантах заключались истинные причины совершенных ими деяний или их таланты всего лишь послужили инструментами исторической необходимости? Что могло принципиально измениться в процессе культурной эволюции, окажись на их месте кто-то другой? Имеются ли у нас достаточные основания утверждать, что без них история повернула бы в совершенно иное русло? Еще раз подчеркнем: человек, положительно влияющий на общественное развитие, способный мудро править, создавать шедевры искусства и делать научные открытия, безусловно, обладает выдающимися способностями, но никаких способностей недостаточно для того, чтобы, к примеру, создать двигатель внутреннего сгорания в Средневековье или написать «Евгения Онегина» во времена Ивана Грозного, т. е. сделать что-то, не обеспеченное предшествующим развитием культуры.

Если роль отдельной личности в искусстве и политике еще вызывает споры, то относительно роли ученого в науке можно с изрядной долей уверенности утверждать, что любой гений в принципе заменим, т. е. сделанное им научное открытие неизбежно состоялось бы и без него. Является ли уникальным и неповторимым вклад в науку таких выдающихся ученых, как Дарвин и Менделеев? Каков размер этого вклада, существует ли какой-то объективный способ его измерить? Не будет ли логичнее считать, что подлинным субъектом совершаемых гением открытий является всё научное сообщество как «коллективный орган познания»? Нам представляется, что Чарльз Дарвин был бы склонен считать свои

работы скорее «закономерным этапом культурной эволюции», нежели «чудесной мутацией, произошедшей благодаря усилиям одного богоподобного гения». Ведь в определенном смысле любой гениальный ученый — лишь часть научного сообщества, призванного добывать и анализировать информацию об окружающем мире, а совершаемое им открытие никогда не является исключительно его достижением и заслугой. Его достижение подобно достижению установившего рекорд спортсмена, оно заключается лишь в том, что данный индивид достиг результата первым.

Таким образом, конкретная личность может претендовать на место гения только тогда, когда оно подготовлено эволюцией культуры и еще никем не занято. Если «вакансий» немного, то и шансы потенциального гения на признание и славу тоже будут невелики. Если же ему выпадет удача родиться «в нужное время в нужном месте» (в эпоху расцвета культуры), его шансы будут значительно выше. Гений есть «инструмент» культуры, с помощью которого она создает свои богатства. В этом контексте действительным автором гениального творения представляется эпоха, а именуемый «гением» индивид предстает не более чем ее инструментом. И этих «инструментов» культуре требуется больше в периоды ее расцвета.

Согласно Лесли Уайту, главному представителю неозволюционизма, одним из первых значимых авторов, бросивших вызов идеалистической теории «великого человека», был Герберт Спенсер, который «утверждал, что прежде чем Великий Человек может сформировать общество, общество должно сформировать его самого. Спенсер не только выявил природу и масштаб влияния общества на каждого человека, великого и маленького, но и заклеил теорию Великого Человека, назвав ее формой антропоморфизма, равно распространенного как среди диких племен, так и среди цивилизованных обществ» [2, с. 210].

Говоря о гениях науки, эволюционисты справедливо делают акцент на хорошо известном феномене «множественных открытий», т. е. тех научных открытий, которые делаются почти одновременно и независимо друг от друга разными людьми. Примерами множественных независимых открытий являются формализация дифференциального и интегрального исчисления в XVII в. Исааком Ньютоном и Готфридом Лейбницем, клеточная теория, закон сохранения энергии, закон Бойля — Мариотта, открытие кислорода, теория эволюции видов и многое другое. Если мы отвергаем эволюцию культуры, то как объяснить «тот факт, что такое великое обобщение, как закон сохранения энергии, или такое великое открытие, как клеточная основа жизни, до тех пор остававшееся за пределами понимания, внезапно и почти за один вечер было сделано не одним человеком или двумя, но целой группой?» [2, с. 226]. Любое научное «озарение» подпитывается бесконечным множеством идей, теорий, гипотез, исследований других ученых, как из прошлого, так и современников. Что есть изобретение? «Изобретение — это не случайная мутация эмбриональной плазмы, но тот новый синтез накопленного опыта, наследником которого изобретатель является лишь по традиции» (перевод наш. — А. С.) [3, с. 19].

Джеймс Уатт был выдающимся инженером и изобретателем, имя которого навсегда будет ассоциироваться

с созданием универсальной паровой машины двойного действия и с началом промышленной революции. Но важно понимать, что это достижение не было результатом чудесного «озарения», что оно не было исключительно его заслугой и что оно неизбежно было бы сделано кем-то другим, если бы Уатт в силу тех или иных причин выбрал совершенно иной жизненный путь. «Паровой двигатель явился продуктом многовекового процесса культурного накопления и синтеза. Проследивая его генезис с точки зрения механики, металлообработки, становления понятий и многого другого, истоки его возникновения мы можем отнести к раннему каменному веку» [2, с. 223].

Насколько бы выдающимися способностями ни обладал изобретатель, он беспомощен, словно Леонардо да Винчи, пытавшийся воплотить в жизнь идею вертолета в эпоху, когда культура еще не накопила достаточного количества знаний, инструментов и материалов для его создания. Однако же когда всего этого становится достаточно, процесс культурного взаимодействия просто обязан привести к синтезу. Изобретение становится неизбежным. Лесли Уайт приводит для этого следующее удачное сравнение: «Эта ситуация чем-то напоминает цепную реакцию урана-235. Если масса металла ниже определенной величины, то цепная реакция невозможна. Однако когда определенная величина — «критическая величина» — достигнута, цепная реакция становится неизбежной» [2, с. 253].

Итак, в контексте неозволюционистской концепции гений является не перводвигателем, а всего лишь функцией своей культуры. «Если количество элементов невелико, течение медленно, а потоки изолированы, то гениев будет немного и появляться они будут редко. Если же культурная традиция богата и разнообразна, течение быстро, а скорость взаимодействия высока, то гении будут появляться чаще и в большем количестве. Гении с легкостью появляются на вершинах культурного развития, но редко — на его склонах или плато. Один вид почвы или климата будет способствовать появлению гения, а другой — нет» [2, с. 253].

Созвучное неозволюционистскому пониманию роли гения в культуре изложено в знаменитой статье Георгия Плеханова «К вопросу о роли личности в истории». В ней приводятся аргументы в пользу того, что даже таких личностей, как Наполеон, можно считать исторической или культурной необходимостью и что даже если бы будущий император был убит в одном из ранних сражений, его место занял бы другой военный лидер. «То, что сделал он в итальянских и других походах, сделали бы другие генералы. Они, вероятно, не проявили бы таких талантов, как он, и не одержали бы таких блестящих побед. Но французская республика всё-таки вышла бы победительницей из своих тогдашних войн, потому что ее солдаты были несравненно лучше всех других европейских солдат. Что касается 18 брюмера и его влияния на внутреннюю жизнь Франции, то и здесь общий ход и исход событий по существу были бы, вероятно, те же, что и при Наполеоне» [4, с. 325]. Республика умирала, и Директория не могла восстановить порядок, которого теперь жаждала буржуазия, избавившаяся от господства высших сословий, для порядка нужна была «хорошая шпага»: «Сначала думали, что роль благодетельной шпаги сыграет генерал Жубер,

а когда он был убит при Нови, стали говорить о Моро, о Макдональде, о Бернадотте. О Бонапарте заговорили уже после; а если бы он был убит, подобно Жуберу, то о нем и совсем не вспомнили бы, выдвинув вперед какую-нибудь другую «шпагу» <...> У Бонапарта была железная энергия, и он ничего не щадил для достижения своих целей. Но и кроме него тогда не мало было энергичных, талантливых и честолюбивых эгоистов. Место, которое удалось ему занять, наверное, не осталось бы не занятым» [4, с. 325–326].

В своем исследовании Плеханов приходит к тем же выводам, что и эволюционисты: «Выходит, что личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» [4, с. 322]. В данной статье еще не говорится о феномене «культурной эволюции». Как последовательный марксист, Плеханов истолковывает феномен гения с позиций исторического материализма: «Давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют общественные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, *проявившийся в действительности*, т. е. всякий талант, ставший *общественной силой*, есть *плод общественных отношений*» [4, с. 329].

Как справедливо замечает Л. Гринин: «Маркс, Энгельс и их последователи считали, что исторические законы инвариантны, то есть реализуются при любых обстоятельствах (максимум вариации: немного раньше или позже, легче или тяжелее, более или менее полно). В такой ситуации роль личности в истории предстала небольшой. Личность может, по выражению Плеханова, лишь наложить индивидуальный отпечаток на неизбежный ход событий, ускорить или замедлить реализацию исторического закона, но не в состоя-

нии ни при каких обстоятельствах изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной личности, то ее непременно бы заменила другая, которая выполнила бы ровно ту же историческую роль» [5, с. 182].

Заключение (Conclusions)

Подводя итог, согласимся с Лесли Уайтом в том, что «хотя... индивиды различаются своими природными данными, однако у нас нет иных достоверных способов обнаружения или распознавания «гениев», кроме как через их достижения» [2, с. 246]. Очевидно, что гениальные достижения отдельных индивидов в значительной степени обусловлены их выдающимися врожденными способностями. Однако из этого не следует, что все, кто достиг меньшего, имели более низкие природные способности. Более того, назревшие в культуре образы и идеи могут рождаться и иногда рождаются в головах индивидов, не обладающих никакими исключительными способностями. Уайт обоснованно приходит к выводу о том, что психологическое понимание «гения» одностороннее, существенно недостаточное. Более сущностным он считает культурологическое понимание: гений — это такой человеческий индивид, в сознании которого произошел «значимый синтез культурных элементов» — качественный скачок, в результате которого «кристаллизовались» латентные идеи и образы культуры. В связи с этим разгадка феномена гениальности лежит скорее в дискурсе культурологии, нежели в дискурсах психологии или генетики. Таким образом, вовсе не изобилие «гениев» приводит к периодам расцвета в культурном развитии. Скорее наоборот — периоды расцвета культуры обуславливают изобилие гениев. Можно сказать, что расцвет культуры «выражает» себя в гениальных людях. Культура в процессе эволюции создает запрос на некоторую инновацию и организует соревнование между талантливыми индивидами, присваивая наиболее талантливым статус гения в качестве награды.

Библиографический список

1. James W. Great Men and Their Environment // A Lecture Before the Harvard Natural History Society. Boston : Atlantic Monthly, 1880. Vol. 46, no. 276. P. 441–459.
2. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / пер. с англ. О. Р. Газизовой, П. В. Резвых. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.
3. Childe V. Man Makes Himself. London : Watts, 1936. 294 p.
4. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения : в 5 т. М. : Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 300–334.
5. Гринин Л. Е. Роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. 2011. № 4 (64). С. 175–193.

References

- Childe V. G. (1936) *Man Makes Himself*. London, Watts Publ., 294 p. (in English)
- Grinin L. E. (2011) Rol' lichnosti v istorii: istoriya i teoriya voprosa [The Role of Personality in History: History and Theory of the Issue]*, *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and Society]**, no. 4 (64), pp. 175–193. (in Russian)
- James W. (1880) *Great Men and Their Environment, A Lecture Before the Harvard Natural History Society*. Boston, Atlantic Monthly Publ., vol. 46, no. 276, pp. 441–459. (in English)
- Plekhanov G. V. (1956) *K voprosu o roli lichnosti v istorii [The Role of the Individual in History], Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected Philosophical Works]**. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 2, pp. 300–334. (in Russian)
- White L. (2004) *[The Science of Culture]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 960 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by author of the article.